

УДК 929 Вавилов Н.И. (091)

ИСТОРИЯ С БИОГРАФИЕЙ

С.Е. РЕЗНИК

В статье рассказано об истории создания и выхода в свет книги С.Е. Резника «Николай Вавилов» (М., «Молодая гвардия», 1968); о том, как, несмотря на большие цензурные изъятия, книга была признана «идеологически вредной» и смогла выйти в свет с опозданием на год благодаря международной огласке и вмешательству ряда ведущих ученых.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, Т.Д. Лысенко, мичуринцы, С.Е. Резник, Ю.Н. Коротков, Ф.Х. Бахтеев, В.Н. Столетов, Л.Н. Андреев, В.Н. Ганичев, генетика, В.Н. Сеерук, А.Н. Яковлев, Ж.А. Медведев, Н.Н. Семенов, Б.М. Кедров, С.Р. Микулинский, Д.П. Щербаков, Грегор Мендель, Томас Морган.

К работе над биографией Николая Ивановича Вавилова я приступил летом 1963 г. Мне было тогда двадцать пять лет, за спиной было всего три года, правда, довольно интенсивной, журналистской работы в области популяризации науки. При этом случилось так, что, хотя по образованию я инженер-строитель, большая часть моих публикаций касалась биологических наук. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, тем, что в начале шестидесятых годов были совершены крупные открытия на стыке биологии с точными науками: физикой, химией, кибернетикой. А, во-вторых, тем, что в СССР биологическая наука находилась в катастрофическом положении — из-за того, что в ней господствовало так называемое мичуринское учение академика Т.Д. Лысенко.

Надо сказать, что в те годы большинство научно-популярных журналов и отделы науки многих газет делали немало для популяризации истинных достижений биологии, вопреки зубовному скрежету «мичуринцев».

Разумеется, прямой критики Лысенко и его «теорий» не допускалось. Невозможно было положительно оценивать работы Менделя, Моргана и других основоположников генетики. Однако, не называя запретных имен, не употребляя самих понятий «ген», «генетика», можно было рассказывать о нуклеиновых кислотах, как носителях наследственной информации; о хромосомах, в которых сосредоточены нуклеиновые кислоты; о синтезе белка, идущего по программе, записанной в нуклеиновых кислотах; и о многом другом, что говорило об успехах классической генетики и посрамлении «мичуринцев». Я старался использовать каждый случай, чтобы рассказать читателям об этих достижениях, в то время они были свежей научной сенсацией.

Под Новый 1963-й год я окончательно порвал с инженерной специальностью, так как был принят в штат редакции серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия». Мне поручили вести раздел биографий ученых.

Заведующий серией ЖЗЛ Юрий Николаевич Коротков носился тогда с мыслью поставить издание биографий на научную основу так, чтобы за обозримый период времени, скажем, за пять лет, можно было дать круг чтения по всей миро-

вой истории. Это означало, что из моря имен великих людей требовалось отобрать 120-150 с таким расчетом, чтобы ими покрывались все основные исторические эпохи, все крупные страны мира (или хотя бы все регионы), все основные области культуры...

При этом, конечно, надо было соблюсти определенный минимум конъюнктурных требований, без чего план не утвердили бы высшие инстанции. Надо было, чтобы древность не довлела над современностью, чтобы не меньше половины героев будущих книг представляли Россию, а из этой половины — около половины советский период; чтобы революционеров было не меньше, чем писателей, и чтобы до половины революционеров были представителями так называемой ленинской гвардии.

К счастью, конъюнктурные моменты затрагивали меня меньше, чем других редакторов: раздел ученых в серии ЖЗЛ, по крайней мере, подбором имен, дальше других отстоял от политической конъюнктуры. Главное требование, которое предъявлялось мне, состояло в том, чтобы были представлены все основные направления науки: физика, математика, химия, биология, науки о Земле.

Должен сразу сказать, что из затеи с таким перспективным планом ничего не вышло и, по-видимому, не могло выйти. Написание полноценной научно-художественной биографии — задача слишком сложная, чтобы производство книг можно было поставить на поток. На некоторые темы найти подходящего автора было невозможно, были авторы, которые могли затянуть работу на десять лет.

Однако, когда я пришел в редакцию, составление перспективного плана шло полным ходом, и мне пришлось включиться в эту работу. Списки видных ученых по основным разделам науки уже были составлены, но это было самое простое. Главное состояло в том, чтобы по каждой науке из десятков имен выбрать пять-шесть первоочередных и наиболее важных. Произвол должен был быть сведен к минимуму, поэтому мне приходилось консультироваться по каждому разделу с крупными учеными, чьи мнения и должны были служить основанием для предпочтения одних имен перед другими.

При этом, естественно, я показывал ученым те разделы плана, которые были близки их специальности. И тут я столкнулся с удивившей меня закономерностью. Почти каждый, кому я показывал «его» раздел плана, непременно спрашивал: почему в списке нет Николая Вавилова?

Я объяснял, что имя Вавилова стоит в списке биологов, а сейчас я хочу получить консультацию в области химии (или математики, медицины — в зависимости от специальности консультанта), но на это я слышал в ответ: «В первую очередь вы должны издать книгу о Николае Ивановиче Вавилове!».

Особенно памятна мне короткая встреча в президиуме Академии Наук с академиком-секретарем Отделения наук о Земле Дмитрием Ивановичем Щербаковым. Я попал к нему в неудобное время: он торопился на какое-то неожиданное совещание и не мог уделить мне больше двух-трех минут.

Бегло просмотрев список географов и геологов, Щербаков строго спросил:

— Почему нет Вавилова?

Я ответил, что Вавилов стоит в разделе биологов.

— Почему только биологов? — еще строже спросил Щербаков. — Это крупнейший географ двадцатого века. Он теоретически предсказывал, где и что можно найти!

Не менее памятен для меня, хотя и в несколько ином аспекте, разговор с Семеном Романовичем Микулинским, историком биологии, заместителем директора Института истории естествознания и техники. Идею перспективного плана он

полностью одобрил и заметно оживился, увидев в основном списке биологов имя Н.И. Вавилова.

Надо сказать, что в кругах биологов это имя было своего рода паролем. На сакраментальный вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» — оно давало четкий ответ. Хотя Вавилов был посмертно реабилитирован еще в 1955 году, наука, отстаивая которую, он погиб, — генетика, — оставалась «буржуазной лженаукой» и «служанкой ведомства Геббельса».

Микулинский сказал, что книгу о Николае Ивановиче Вавилове надо издать как можно скорее, и подчеркнул, что это особенно важно. О том, что вскоре я сам приступлю к книге о Вавилове, я не подозревал, и ответил, что найти автора для этой темы непросто: многие писатели, пишущие о биологии и биологах, еще недавно восхваляли Лысенко; привлекать для написания книги о Вавилове тех, кто славословил его главного врага, было бы кощунством. Тут же я заметил, что сказал лишнее, ибо Микулинский как-то сник и, после паузы, глядя в сторону, совсем другим тоном сказал:

— Ну, это все не так просто, у Лысенко есть заслуги...

Я понял, что имею дело с очень осторожным дипломатом.

Ю.Н. Короткову я сказал, что из встреч с учеными вынес твердое убеждение: наша первая задача — книга о Вавилове. Он ответил, что полностью с этим согласен, но нужно найти подходящего автора. У него на примете никого нет.

Несколько дней я провел в библиотеке им. В.И. Ленина, где просмотрел массу популярных книг о биологах, селекционерах, растениеводах. Некоторые книги были написаны талантливо и умело, авторы других были откровенно бездарны. Однако и те и другие пели осанну мичуринскому учению и его главе Трофиму Денисовичу Лысенко. Кто только не отличился на этом поприще! Наиболее запомнились писания Вадима Сафонова, Геннадия Фиша, Юрия Долгушина, Александра Поповского, его сына Марка Поповского¹.

Обо всем этом я рассказал Ю.Н. Короткову, прибавив, что знаю только одного автора, которому можно было бы предложить эту тему. Правда, он не писатель. Но он превосходно знает предмет и достаточно хорошо владеет пером, так что никаких сомнений относительно того, что он сделает хорошую книгу, быть не может.

На вопрос, о ком идет речь, я ответил:

— О Жоресе Медведеве.

Объяснять, кто такой Жорес Александрович Медведев, необходимости не было: его работа «Культ личности и биологическая наука» ходила в самиздате, мне давали ее читать в отделе науки «Комсомольской правды», где я внештатно сотрудничал, я сам давал ее Ю.Н. Короткову. В «Комсомолке» я познакомился и с самим Жоресом Александровичем. Отделом науки была подготовлена большая — на газетную полосу — статья о лысенковском лжеучении. Она вот-вот должна была пойти в номер, и Ярослав Голованов (тогда сотрудник отдела науки) потирал руки, предвкушая, как прямо ночью поедет в дом, где жил Лысенко, и опустит свежий номер газеты в его почтовый ящик.

¹ См.: Вадим Сафонов. Земля в цвету, М. «Молодая гвардия», 1948. Геннадий Фиш. Наука изобилия. М., «Советский писатель», 1948. Юрий Долгушин. В недрах живой природы, М.: Культпросветиздат, 1952. Александр Поповский. Искусство творения. М.: Профиздат, 1948. Александр Поповский. Академик Т.Д. Лысенко, М.: Изд-во детской литературы, 1949. Александр Поповский. Восстановим правду. М.: Профиздат, 1950. Марк Поповский. Второе сотворение мира. М.: Молодая гвардия, 1960 и др. Большинство из этих книг переиздавались по многу раз.

Но... были приняты контрмеры, статья в газете не появилась, зато в партийной печати появились грозные нападки на Ж.А. Медведева, В.П. Эфроимсона и других генетиков, «клеветующих на советскую науку».

Коротков мне ответил, что предлагаемый мною автор, безусловно, хорош, но руководство издательства не согласится заключить договор с такой одиозной личностью, поэтому обратиться к нему мы, к сожалению, не можем.

— В таком случае я попробую написать сам, — сказал я в значительной мере неожиданно для самого себя. И видя, что зав. редакцией встретил эти слова без энтузиазма, поспешил добавить. — Без договора!

Коротков сказал, что о договоре не может быть и речи — уже потому, что я штатный работник издательства: заключать предварительные договоры со своими сотрудниками не принято. Кроме того, я никогда не писал ничего подобного, и у него нет уверенности, что у меня что-то выйдет. Единственное, что он может мне обещать — это застолбить за мной тему и считать ее занятой до тех пор, пока я представлю рукопись или сам скажу, что книга не получается.

Условия меня устраивали, и я приступил к работе.

Первоначальной мыслью было по возможности обойти в книге главный предмет спора между «менделистами-морганистами» и «мичуруинцами». Поскольку Вавилов был не только генетик, но растениевод, ботаник, географ, путешественник, то мне казалось возможным подчеркнуть эти стороны его деятельности, оставив в тени менделизм-морганизм. В таком духе были написаны опубликованные к тому времени статьи и очерки о Вавилове, а также книга А.И. Ревенковой², литературно слабая (и научно лживая, чего я тогда еще не сознавал), где основные данные о жизни и деятельности Вавилова излагались без всякого упоминания Менделя, Моргана, Лысенко, ни слова не говорилось о генетических дискуссиях. В сборнике воспоминаний друзей и учеников Вавилова, составленных его сыном Юрием Николаевичем³, биологические дискуссии тоже обходили стороной.

Однако знакомство с трудами Вавилова, с чего я, собственно, начал работу над книгой, сразу же показали мне, что он прежде всего и больше всего — генетик. Что все его достижения в прикладной ботанике и растениеводстве базируются на классической генетике; что он генетик по всему существу своего мышления, по всей стратегии научного поиска. Обойти это — значило исказить историческую правду. Ради чего же тогда писать книгу?

Либо надо было вовсе отказаться от задуманного, либо писать всю правду, не думая заранее о том, что она будет проходить через инстанции. То есть писать «в стол», как тогда говорили.

Впрочем, не могу сказать, что передо мной всерьез встала такая дилемма. Личность Н.И. Вавилова настолько захватила меня, что ни о каком «либо-либо» речи уже быть не могло.

Около года я писал «в стол», ни о чем постороннем не заботясь и проходя вместе с моим героем по путям познания, по каким сам он шел в пору своего ученичества и построения своих основных научных теорий. Я старался уже в первой части книги прорисовать глубокое различие между умозрительной эволюционной концепцией Ламарка, на которой базировался Лысенко, и эволюционной концепцией Дарвина, углубленной и уточненной на основе законов генетики, — на ней базировался Вавилов и другие «менделисты-морганисты». Ученичество Вавилова, выработка им

² Ревенкова А.И. Николай Иванович Вавилов, 1887-1943. М.: Изд-во с.-х. литературы, 1962.

³ Рядом с Н.И. Вавиловым. Сб. воспоминаний. М.: Советская Россия, 1963.

своих научных позиций была удобной сюжетной канвой, на которую я нанизывал «драму идей» вокруг механизмов эволюции, как эта драма разыгрывалась в истории биологии.

Вторая часть книги, естественно, отводилась основным теоретическим работам самого Вавилова, базировавшимся на предшествовавшем развитии биологии, в особенности важнейшим из них: закону гомологических рядов в наследственной изменчивости и теории центров происхождения культурных растений.

Мне стало ясно, что эти открытия поставили Вавилова в ряд величайших биологов мира, таких как Линней, Мендель, Морган, и я старался показать, что во включении его в этот ряд нет никакого преувеличения.

Третья часть книги — ее еще предстояло писать — была посвящена экспедициям Вавилова, в которых он блестяще подтвердил и уточнил свои теоретические концепции, собрал богатейшую в мире коллекцию культурных растений и затем использовал ее для создания теоретических основ селекции.

Четвертая часть должна была повествовать о генетических дискуссиях, аресте и гибели Вавилова.

Так, уже в процессе работы складывался ее общий план.

Был написан первый вариант двух первых частей, когда произошли события, заставившие меня заново вернуться к вопросу о публикации книги.

В октябре 1964 г. был неожиданно снят со всех постов Н.С. Хрущев, причем уже на следующий день стало известно, что одним из пунктов обвинения против него значилась «односторонняя поддержка Т.Д. Лысенко». Тотчас в печати — научной и общей — словно прорвало плотину. Полился целый поток критических статей, и в течение двух-трех месяцев от всего «мичуринского» учения не осталось камня на камне. Говорили, что Лысенко пытался жаловаться самому А.Н. Косыгину, ставшему после Хрущева главой правительства, но тот ему ответил:

— В печати идет дискуссия о биологии. Я слежу за ней с интересом. Вы тоже можете принять в ней участие.

Но без поддержки свыше Лысенко дискутировать не умел.

Вскоре Институт генетики Академии наук, возглавлявшийся Лысенко с 1940 г., то есть со времени ареста Н.И. Вавилова, был закрыт, и вместо него был создан Институт общей генетики имени Н.И. Вавилова во главе с Н.П. Дубининым. Было принято решение о пересмотре программ обучения биологии в школах и вузах. Было сделано и многое другое.

Новое, и уже необратимое закручивание гаек началось в ноябре 1966 г. Но об этом ниже.

Падение Лысенко поставило меня в очень своеобразное положение: моя будущая книга, с первых страниц рассказывавшая правду о Менделе, Моргане, основных законах генетики, и уже по одному этому совершенно непроходимая, вдруг превратилась в весьма выигрышную конъюнктурно! Велик был соблазн форсировать ее окончание, тем более, что в воздухе ощущалось: весь этот «либерализм» ненадолго!

Поразмыслив над сложившейся ситуацией, я, однако, решил продолжать работу как будто ничего не случилось. Но теперь это могло касаться лишь темпов работы и ее углубленности, но не той легкости и свободы, какие я испытывал до тех пор. Сознание, что книга может быть опубликована, автоматически включило внутреннего цензора. Впереди было самое главное — описание биологических дискуссий. Я понимал, что если в печати допускается критиковать *сегодняшнего* Лысенко, фальсифицирующего опыты по получению жирномолочной породы скота, то это вовсе не значит, что мне позволят раскрыть всю историю того, как

советский строй выращивал Лысенко, как наделил его беспрецедентным могуществом, позволил разгромить науку и помог отправить на эшафот десятки лучших ученых страны.

В 1966 г. в двух номерах журнала «Простор» (№ 7-8) появилась повесть Марка Поповского «1000 дней академика Вавилова». В ней эта трудность была ловко обойдена: автор изобразил дело так, будто в возвышении неуча и шарлатана Лысенко был повинен не советский строй и лично товарищ Сталин, а сам Николай Иванович Вавилов. Это была неправда, для меня такой подход был неприемлем.

Материал, имевшийся у меня в руках, оставался взрывоопасным, и это невольно налагало отпечаток на все предыдущие части книги, тем более, что их приходилось постоянно дополнять и перерабатывать, так как от учеников Н.И. Вавилова, с которыми я входил во все более тесный контакт, ко мне стекались документы и воспоминания, касавшиеся и тех периодов, которые уже были описаны.

Так, профессор Николай Родионович Иванов передал мне фотокопию обширной переписки Вавилова с его учителем и другом Робертом Эдуардовичем Регелем, который возглавлял в Петрограде Бюро по прикладной ботанике — то самое бюро, которое после его смерти (в 1921 г.) возглавил Вавилов и превратил во Всесоюзный институт растениеводства — всемирно известный ВИР.

Все письма из этой пачки оказались интересными, но одно из них особенно поразило меня. Это письмо Регеля, написанное 25 октября 1917 г., через несколько часов после большевистского переворота. В этом письме Регель называл большевиков «даже не политической партией», а «группой сектантов» и негодовал против «цвета нашей интеллигенции кадетов», которые позволили «сектантам» совершить этот переворот.

В книге, которая пишется в стол, письмо можно было привести целиком как пример отношения научной интеллигенции к большевикам и их власти. Но при открытой возможности опубликовать книгу это было бы безумием. Пришлось процитировать письмо только частично, так, чтобы не насторожить будущих цензоров.

То же касалось многих писем самого Вавилова, в частности, из Палестины, которую он исследовал в рамках Средиземноморской экспедиции 1926 г. Я привел из этих писем только отрывки, касавшиеся сбора растений, и полностью опустил восторженные высказывания о еврейском национальном очаге и о еврействе, которое «с сумасшедшим энтузиазмом», как он выразился, строит жизнь на своей исторической родине. При той ненависти к Израилю, какой были наспигованы газеты, цитировать эти высказывания было невозможно: они бы все равно шли под нож, а заодно могли разбудить антисемитские эмоции будущих рецензентов и цензоров.

При появившейся перспективе на публикацию основная задача первых трех частей книги невольно стала сводиться к тому, чтобы, рассказывая о Вавилове, рисуя его образ, подготовить читателя к генетическим дискуссиям и в то же время усыпить бдительность цензоров, приучить их к восприятию книги как чисто просветительской, никого не задевающей.

И, разумеется, надо было быть предельно осмотрительным в моем собственном комментировании приводимого материала. Всё, что можно было убрать в подтекст, надо было убрать в подтекст! Приводя, например, письма Н.И. Вавилова к выдающемуся генетику Ф.Г. Добжанскому, в которых Николай Иванович горячо уговаривал этого «невозвращенца» вернуться в СССР, обещая блестящие перспективы научной работы, я внешне демонстрировал «советский патриотизм» Вавилова, предоставляя читателю самому решать, кто был прав в этом споре: затравленный и погибший

в тюрьме Вавилов или оставшийся в США Добжанский, которого, в случае возвращения, ожидала такая же участь...

И, конечно, наиболее строгой и тщательной самоцензуре была подвергнута заключительная часть книги — начиная с названия. Первоначальное — «Дорога на эшафот» — было заменено более нейтральным: «Битва в пути». Все материалы и документы о биологических дискуссиях, которыми я располагал, были просмотрены сквозь призму самоцензуры. Оставлено было лишь самое необходимое для правильной обрисовки картины.

Я закончил рукопись в ноябре 1966 г.

И как раз в это время сверху было спущено решение о «подготовке к празднованию 50-летия Великой Октябрьской Революции». Предстоящий год в этом решении объявлялся юбилейным и в связи с этим «рекомендовалось» в «литературе юбилейного года» подчеркивать достижения советской власти и не акцентировать внимания на имевшихся в прошлом «ошибках».

Сразу же после этого в «Правде», где регулярно печатались статьи о деятелях партии, погибших в период «культы личности Сталина», исчезли упоминания о политических репрессиях. Практически полностью исчезли со страниц печати упоминания о преступлениях Сталина, зато стали подчеркиваться его «заслуги» в годы войны. Заметно приглушеннее стала критика и в адрес Лысенко, чему, как выяснилось, способствовали и некоторые специфические причины. Оказалось, что у Лысенко нашелся новый покровитель: тогдашний советский «президент» — Председатель Президиума Верховного Совета — Николай Викторович Подгорный, который был его земляком.

Учитывая все это, зав. редакцией Ю.Н. Коротков сказал мне, что не считает возможным сейчас «совать» к начальству с моей рукописью; нужно выждать более благоприятного момента. Я этому был только рад, так как не считал работу законченной. Во-первых, ко мне продолжали стекаться материалы о Вавилове, а во-вторых, мне хотелось хоть немного забыть свой текст, а потом заново пройти по нему, что никогда не лишне.

Выжидание подходящего момента длилось весь юбилейный год. Когда, наконец, он миновал, оказалось, что власти не намерены поворачивать к «доюбилейному» либерализму. Замораживание приняло необратимый характер. Стало ясно, что подходящего момента нам не дожидаться. И тогда Ю.Н. Коротков решил двинуть мою рукопись, к тому времени уже доработанную полностью.

В первую очередь нужен был хоть один положительный и более или менее официальный отзыв, но это не представлялось сложным, так как обязанности председателя Комиссии по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова выполнял профессор Фатих Хафизович Бахтеев, один из самых преданных его учеников.

На протяжении всей моей работы над книгой он деятельно помогал мне, горячо одобрял мою работу и относился ко мне с такой симпатией, что, несмотря на разницу в возрасте, мы стали друзьями. Он и написал рецензию на мою рукопись, заверив ее не только своей подписью и титулом и.о. председателя комиссии, но и какой-то печатью. Эта рецензия послужила основанием для заключения издательского договора и одобрения рукописи.

Зав. редакцией, только теперь прочитав рукопись и поняв всю меру опасности, которая от нее исходит, решил не поручать ее редактирование кому-либо из штатных работников, чтобы не ставить их под удар. Он заключил соглашение на внештатное редактирование с недавно уволившейся сотрудницей Таней Ивановой (она перешла

на работу в изд-во «Наука»). Это означало, что всю полноту ответственности за мою книгу он берет на себя.

Вместе с редактором мы снова прошлись по тексту. Какие-то места были исключены просто потому, что объем рукописи значительно превышал листаж, отведенный под нее в плане. Но главное было в другом. Заключительная часть книги делала ее совершенно непроходимой в новых условиях. Это понимала Татьяна, понимал Ю.Н. Коротков и отлично понимал я сам. Чем-то надо было жертвовать, и хотя мера жертвы, с моей точки зрения, должна была быть значительно меньшей, чем с точки зрения редактора, мы находили общий язык.

Заключительная часть рукописи усохла почти вдвое, причем изъятию подверглись, естественно, наиболее острые места.

Отовсюду было изъято имя Сталина — даже из лысенковских цитат: упоминание этого имени в каком-либо негативном контексте в то время уже полностью исключалось. Был выброшен большой кусок о травле академика Н.К. Кольцова, а также заключительные главы — о разгроме генетики на сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

Был изъят рассказ об аресте Вавилова. От всего этого куса осталось в качестве иллюстрации факсимиле последней записки Н.И. Вавилова В.С. Лехновичу, в которой он просил выдать свои вещи «подателю сего» «в виду срочного вызова в Москву». (Вавилов был арестован во время экспедиции в Западной Украине, в которой его сопровождали Ф.Х. Бахтеев и В.С. Лехнович). Я надеялся, что вне контекста записка не обратит на себя внимания, но не тут-то было: позднее ее изъял Главлит.

Наконец, пришлось смягчить всю интонацию подачи материала. Хотя я пытался быть предельно сдержанным, но все-таки меня «прорывало».

В таком виде рукопись была сдана в производство, но это не означало, что ей обеспечена дорога к читателю. Позднее в издательстве ввели такой порядок, что все рукописи читались кем-либо из руководства: директором, главным редактором или его заместителем (для этого число начальников удвоили). До этого после заведующего редакцией начальство в рукописи не влезало, хотя могло заглянуть в верстку. Поэтому, уже после сдачи в производство Ю.Н. Коротков решил, что наши позиции необходимо укрепить и для этого заручиться рецензией более сильного человека, чем Ф.Х. Бахтеев.

После долгих раздумий и колебаний мы решили обратиться к профессору В.Н. Столетову, заведующему кафедрой генетики МГУ и, что было особенно важно, Министру высшего и среднего специального образования РСФСР, то есть высокопоставленному представителю власти.

Обращаться к Столетову было рискованно: он сам еще недавно был активным лысенковцем, благодаря чему и получил свои высокие посты. Однако он стал поддерживать опальную генетику еще до падения Лысенко, почему сохранил эти посты в новой ситуации. Словом, риск выглядел оправданным.

Секретарша без долгих расспросов соединила меня с министром. В ответ на мою просьбу он сразу же согласился прочитать рукопись и предложил привезти ему ее на следующий день в МГУ, где предстояло заседание кафедры и где мне следовало его «поймать».

Я приехал заблаговременно, а сам Столетов опоздал ровно на час. Вся кафедра нервничала, и как только он появился, его обступили с разными вопросами. Я с трудом протиснулся сквозь толпу и назвал себя. Столетов бегло взглянул на меня поверх очков водянистыми глазами, сунул под мышку увесистую папку и заговорил с кем-то другим. Я ушел в уверенности, что он, скорее всего, забудет где-нибудь рукопись,

и уж во всяком случае, будет читать ее месяца четыре — шутка ли: такой занятой человек!

Однако уже через неделю мне позвонили из секретариата В.Н. Столетова и сказали, что Всеволод Николаевич просит меня придти к нему в министерство такого-то числа в такое-то время, если мне это удобно.

Мне было удобно!

...Разговор со Столетовым продолжался около двух часов. При этом у него был отключен телефон, и никто в кабинет не входил, за исключением секретарши, которая время от времени, по звонку, приносила жиденький чай в тяжелом граненом стакане. Прихлебывая чай, Столетов и вел разговор.

Он похвалил мою работу, высказал несколько незначительных замечаний и стал предаваться воспоминаниям о «том трудном времени», которое у меня, по его словам, было изображено верно. Беседу он вел не торопясь, по-доброму, по-стариковски. Ему нравилось, что книга написана «без лишнего нажима». Единственное, что он хотел бы, чтобы я имел в виду — не для исправления рукописи, а для личного сведения, — это что академик Н.М. Тулайков (который у меня лишь несколько раз упоминается, поэтому и исправлять ничего не надо) сыграл отрицательную роль в науке. Он был наделен большой властью, был вхож в ЦК партии и пользовался этим для расправы со своими противниками.

То, что я знал о Тулайкове, свидетельствовало об обратном, однако я вспомнил: о Столетове говорили, что он в свое время сыграл роль в дискредитации Тулайкова и, если не прямо, то косвенно, повинен был в его аресте в 1937 г.⁴ Поскольку все это не касалось моей рукописи, я возражать не стал.

Разговор кончился тем, что Столетов обещал в ближайшие дни написать рецензию; как только она будет готова, мне позвонят.

Прощавшись, я, словно на крыльях, полетел в редакцию. Поддержка министра кое-чего стоила! Кажется, только теперь я стал всерьез верить, что книга может увидеть свет.

Однако прошла неделя, вторая, третья, а никаких сигналов от Столетова не поступало. Ю.Н. Коротков, которого я успел обнадежить, стал нервничать. Со дня на день могла поступить из типографии корректура, в которую надо было внести те мелкие исправления, о которых говорил Столетов. Они были отмечены в оставшейся у него рукописи.

Я сам позвонил Столетову. Он объяснил, что был очень занят, но в ближайшую неделю непременно напишет рецензию.

Через две недели я позвонил снова.

Потом стал звонить каждую неделю...

Надо сказать, что Столетов не избегал разговоров со мной: стоило мне назвать себя, и секретарша тотчас с ним соединяла. Однако дело не двигалось, и это было неспроста.

Ибо буквально дня через два после столь окрылившего меня разговора со Столетовым состоялся апрельский пленум ЦК партии, посвященный «идеологической борьбе на современном этапе». Это был сигнал к резкому закручиванию гаек: первая внутривластная реакция на события в Чехословакии (ведь шел 1968 г.!).

Столетов оказался в затруднительном положении.

С одной стороны, он понимал, что я тесно связан с десятками крупных генетиков, все они ждут эту книгу, и если он, особенно после того, как одобрил рукопись

⁴ Аресту Н.М. Тулайкова предшествовала разносная статья в «Правде» В.Н. Столетова.

на словах, зарубит ее, это станет известно всему ученому миру, в котором его репутация и так стояла невысоко. С другой стороны, если книга выйдет и разразится скандал, издательство будет прикрываться его рецензией, и у него могут возникнуть куда большие неприятности, нежели пересуды в среде генетиков. Он, очевидно, решил заволыннить дело.

Однако я был настойчив, и, в конце концов, мне было сказано, что я могу приехать за рукописью и рецензией.

Когда я вошел в приемную, моя толстая папка лежала на столе секретарши. Я взял ее и хотел уйти, но секретарша спросила:

— Вы разве не хотите прочитать отзыв?

Я развязал тесемки и быстро пробежал глазами страничку текста, которую Столетову «некогда» было написать несколько месяцев, после того как ему же недели хватило, чтобы прочитать пятисотстраничную рукопись!

В рецензии было четыре абзаца — три за здравие и один за упокой. В нем говорилось, что я «форсирую драматизм событий» и «заживо хороню живого человека»!

Что касается последнего, то тут, по крайней мере, было ясно, что делать. В конце книги говорилось, что Лысенко пережил свой бесславный конец, тогда как Вавилов продолжает жить после смерти. Жалко было убирать этот заключительный аккорд, да ведь столько уже пожертвовано!.. Но как быть с «форсированием драматизма»? Тут сколько не убирай, все равно можно будет сказать, что драматизм форсирован!

Завязывая тесемки папки, я уже твердо решил, что рецензия не появится в издательстве. Лучше скажу, что Столетов надул и вернул рукопись без рецензии. Тоже радости мало, но оставляет хоть какой-то шанс. А с такой рецензией книга не выйдет ни при каких обстоятельствах...

Я уже взялся за ручку двери, когда услышал голос секретарши, многое понявшей по моему лицу:

— А вы не хотите поговорить с Всеволодом Николаевичем?

У меня и мысли не было говорить с ним после того, как я прочитал его иезуитский отзыв! Но тут вдруг решил: а почему — нет? Терять мне нечего!

...Пока я пересекал обширный министерский кабинет, Столетов широко улыбался мне ртом, а его светлые водянистые глаза смотрели поверх очков настороженно и воровато.

— Всеволод Николаевич! — я сразу пошел в атаку. — Что же вы написали? Ведь вы рубите книгу!

— Почему? Почему — рублю? — Руки его суетливо перебирали бумаги на столе. — Я дал положительный отзыв.

— Но вы же пишете, что я форсирую драматизм!

— Да, знаете, в конце там у вас... Как-никак Лысенко жив. Нельзя заживо хоронить человека.

— Хорошо, это место можно исключить. Но ведь у меня потребуют снять всю дискуссию.

— Нет, нет. Я имею в виду только последние страницы. Там как-то мрачно. Вообще у вас тон хороший, правильный, но на последних страницах мрачно. Я понимаю: арест, смерть... Но надо бы как-то помягче.

— Но тогда так и напишите, что речь идет о последних четырех страницах!

— Хорошо, хорошо, — закивал головой Столетов. — Давайте исправим... Где тут исправить? — и он, щурясь сквозь очки, почти под мою диктовку исправил последний абзац.

Через пять минут бумага была перепечатана и заново им подписана. (Однако второй экземпляр первого варианта рецензии я сохранил на память).

На следующий день вся правка была внесена в корректуру, которая уже два или три месяца лежала без движения в редакции, однако проволочки Столетова обошлись слишком дорого. Уже стояло лето 1968 г., и пока корректура проходила сверку, наступило роковое 21 августа: советские танки вошли в Прагу.

Вместе с оккупацией Чехословакии «бдительность» внутри страны была доведена до предела, и редакция захотела получить более надежный заслон, нежели слишком короткая и все же не лишенная двусмысленности рецензия Столетова. Решили пробиваться к академику Н.Н. Семенову, Нобелевскому лауреату, вице-президенту Академии наук, известному тем, что он в трудное время поддерживал генетиков и всегда непримиримо относился к Лысенко. Ведь это в его институте была создана лаборатория химического мутагенеза, которую возглавил Иосиф Абрамович Раппорт, активно выступавший против Лысенко на сессии ВАСХНИЛ 1948 г., отказавшийся признать ее решения, исключенный за это из партии и на долгие годы отлученный от любимой работы. Однако прямого хода к академику Семенову найти не удалось. Пришлось действовать через Владимира Владимировича Сахарова, крупного генетика, с чьим мнением, как говорили, считался Семенов.

Сахаров прочитал корректуру и в разговоре со мной сказал много приятного. Он обещал показать верстку Семенову и попытаться убедить его прочитать ее или поставить свою подпись под отзывом, который напишет сам Сахаров.

К сожалению, влияние Сахарова оказалось недостаточным: будучи очень занятым, Н.Н. Семенов поручил ознакомиться с корректурой своему заместителю по Президиуму Академии члену-корреспонденту В.А. Ковде.

И снова начались проволочки, как со Столетовым, только с той разницей, что к Ковде дозвониться было невозможно: как только я называл свое имя, оказывалось, что Виктора Абрамовича нет на месте или что у него совещание.

Потеряв всякую надежду поймать его в Президиуме Академии, я воспользовался академическим справочником и позвонил ему по домашнему номеру. На мое счастье, он сам подошел к телефону.

Как только я назвал себя, он сказал:

— Я прочитал вашу книгу. Она не может быть издана. Сейчас, в свете чехословацких событий, это невозможно.

— Простите! — возразил я. — Но в моей книге ни слова не говорится о чехословацких событиях!

На это последовал ответ, который невозможно забыть:

— А вот это неправильное заявление. Это полемическое заявление!

Я положил трубку, не попрощавшись.

Пришлось удовлетвориться теми рецензиями, которые были.

Вторая корректура была уже подписана редакцией в печать, когда книгу захотел прочитать директор издательства В.Н. Ганичев, а, прочитав, понял, что от нее исходит немалая опасность. Рецензии, особенно столетовская, отчасти успокоили его, но он сказал, что корректуру надо показать в ЦК партии. Хорошо еще, что Ганичев был слишком ленив, чтобы самому заниматься этим делом, и у нас с Коротковым оказалась некоторая свобода маневра.

Мы понимали, что надо держаться как можно дальше от Отдела пропаганды. Не лучше был и Сельскохозяйственный отдел ЦК, где сидели бывшие лысенковцы. Единственная надежда оставалась только на отдел науки. В нем биологию курировали два инструктора: один — со странной фамилией то ли Ожипа, то ли Ожажа —

в прошлом тоже лысенковец, а другой — Лев Николаевич Андреев, сравнительно молодой, не отягощенный лысенковским грузом.

Ф.Х. Бахтеев имел с Л.Н. Андреевым какие-то контакты и говорил, что тот производит благоприятное впечатление. Он и позвонил Андрееву и объяснил, что речь идет о книге, которую он читал и одобрил.

Корректуру Андреев продержал около месяца, после чего принял меня, и мы имели продолжительную беседу. У меня сохранилась копия моего письма директору издательства В.Н. Ганичеву, в котором я точно, по пунктам, излагал все замечания, высказанные мне в этой беседе Л.Н. Андреевым. Вот отрывок из этого письма:

«...хочу напомнить, что верстка моей книги по Вашему указанию была направлена на консультацию в ЦК КПСС, где в отделе науки ее рассматривал тов. Л.Н. Андреев, после чего передал ее на рассмотрение в Сельскохозяйственный отдел ЦК (как же наивно было наше намерение, отдавая верстку в один цековский отдел, обойти другой! — С.Р.). В продолжительной беседе со мной Л.Н. Андреев высказал мне свои замечания и замечания работников сельхозотдела. Замечания сводились к следующему:

1. Изъять из текста приводимые мною косвенные данные об участии Н.И. Вавилова в декабрьском восстании на Пресне в 1905 году, так как в пользу этого факта нет неопровержимых доказательств.

2. Сократить сведения интимного характера в переписке Н.И. Вавилова.

3. Несколько расширить рассказ о его организаторской государственной деятельности.

4. В последней части снять упоминание факта о том, что И.В. Мичурин палкой выгнал Лысенко из своего кабинета, ибо этот факт приводится по свидетельству очевидцев, а не на основе документов, а также смягчить некоторые резкие выражения в адрес Лысенко, ибо некоторые работники на местах продолжают придерживаться его взглядов и перевоспитывать их надо постепенно.

Все эти замечания, а также мелкие замечания, о которых мне не говорил тов. Л.Н. Андреев, но которые есть на полях корректуры, были мною учтены».

И это все?

Все!

И такова цензура самого ЦК? Да не слишком ли я боюсь собственной смелости? Может быть, в моей книге вообще ничего страшного для них нет!

С такими мыслями я покидал здание ЦК.

Меня почти не беспокоило, что письменного отзыва Андреев не дал, сказав, что у них это «не принято». Я не обратил особого внимания на то, что он подчеркивал несколько раз: он высказывает лишь свое личное мнение и мнение товарищей из Сельскохозяйственного отдела. Замечания я могу принимать или не принимать. Это только пожелания, а не директивы. Я слишком хорошо знал, что у работников ЦК личного мнения не бывает: они говорят только «от имени и по поручению».

Вся правка была внесена, дописаны страницы две про организаторскую деятельность Вавилова (а об одном этом можно было бы написать книгу!) и корректура отправлена на вторую сверку.

Обычно вторая сверка для редакции если не ЧП, то очень большая неприятность, так как с ней связаны сверхплановые расходы. Но в данном случае это была такая мелочь, на которую не стоило обращать внимания.

Я ликовал, Коротков был доволен, а Ганичев окончательно успокоился.

Корректуру подписали в печать. С Главлитом я приготовился драться, опираясь на авторитет ЦК, однако и там все прошло гладко: сняли только факсимиле записки

Вавилова Вадиму Степановичу Лехновичу, написанной в момент ареста, о чем я уже упоминал, а также в разделе «Основные даты жизни и деятельности Н.И. Вавилова» — последнее оставшееся упоминание о том, что он умер в заключении. При всей невозможности сказать об этом в основном тексте, я надеялся, что простое упоминание справочного характера проскочит хотя бы здесь. Не вышло...

27 декабря в редакцию принесли на подпись два сигнальных экземпляра книги.

Моя первая книга, которой отдано пять лет тяжелой работы, с которой связано столько треволнений, которую с нетерпением ждал не только я, но ждали десятки людей, помогавших мне в работе и переживавших вместе со мной все перипетии ее «прохождения», — вот она, я держу ее в руках! Какой великолепный подарок к Новому году! Какой подарок ко дню рождения моей матери! (Ее день рождения был как раз 27 декабря).

Сигнальные экземпляры были подписаны и отнесены в главную редакцию, а я спустился в производственный отдел и попросил один экземпляр для себя, чтобы показать его дома.

Если бы я знал, каким драгоценным окажется этот экземпляр уже через несколько дней!

Гроза разразилась третьего января.

Началась она с того, что Ю.Н. Коротков вошел в нашу комнату и, набычившись, в упор глядя на меня, спросил:

— Это верно, что ты использовал неопубликованные материалы Жореса Медведева?

Я ответил, что использовал разные материалы, опубликованные и неопубликованные, и поскольку моя тема близка к теме Жореса Медведева, то возможно, что некоторые материалы совпадают. Рукописью Медведева я не пользовался; он в курсе моей работы и никаких претензий мне не высказывал.

— Я так и думал, — ответил Юрий Николаевич уже другим тоном. — Тебя обвиняют в том, что ты в книге контрабандой протасил запрещенные материалы Медведева. Ганичева вызывают в ЦК партии. Отнеси ему рецензии.

Со всеми материалами я пошел к директору.

Он уже стоял в пальто. Я отдал ему обе рецензии и корректуру, побывавшую в ЦК, с пометками Л.Н. Андреева; объяснил еще раз, кто такие Бахтеев, Столетов и Андреев. Выслушав меня, он кивнул и уверенно сказал:

— Отобьемся! Когда вернусь, я вас позову.

Вернулся он через два часа, но меня не позвал. К концу дня я сам зашел к нему. Он сидел за своим столом весь красный, потерянный, жалкий.

Потом я узнал, что его вызывал «на ковер» сам В.Н. Севрук, куратор книжных издательств в Отделе пропаганды. Он кричал, топал ногами и требовал ни в коем случае не выпускать книгу. У Ганичева не повернулся язык сказать, что весь тираж ее (сто тысяч экземпляров) уже отпечатан, а часть даже отправлена в Книготорг⁵.

Не зная еще ничего этого, я спросил:

— Валерий Николаевич! Что сказали в ЦК?

⁵ Между издательствами и книготоргом имелось соглашение, по которому план считался выполненным, если в торговые организации отправлена десятая часть тиража; на остальную часть давалась полугодовая отсрочка. Поскольку моя книга стояла в плане 1968 г., а сигнал был подписан только 27 декабря, то в следующие три дня 10 тысяч экземпляров были в пожарном порядке сброшюрованы и отправлены в книготорг, в противном случае годовой план не был бы выполнен.

Он поднял на меня полные невыразимой тоски глаза и мрачно произнес:

— Оказывается еще в январе (то есть год назад! — *С.Р.*) было принято решение прекратить критику Лысенко. К сожалению, я этого не знал.

Я так и сел перед ним... Лысенко снова поставлен вне критики? Все возвращается на круги своя?! Книга, конечно, погибла, но это уже пустяк, если шарлатанство снова будет господствовать в целой науке!

— Вот! — Ганичев протянул мне экземпляр книги с торчащими из нее закладками. — Можете ознакомиться.

Еще на ходу, поднимаясь по лестнице с четвертого этажа на пятый, я стал просматривать «высочайшие» замечания.

Прежде всего, поразился их убогости.

Всего в книге (разумеется, в последней части) было отчеркнуто синим карандашом шестнадцать мест. Почти все пометки стояли там, где упоминалось имя Лысенко... Но ведь в книге это имя упоминалось сотню, а то и две сотни раз! Почему отчеркнуты именно эти шестнадцать? Может быть, здесь это имя сопровождается особенно «сильными» характеристиками? Оказалось, ничего подобного. На тех же страницах, о Лысенко говорилось более жестко!

Было очевидно, что высочайший цензор лишь бегло пролистал книгу и черкнул там и сям без всякого разбора. Вот как делается дело в лучезарной советской действительности! Пять лет работы, труд рецензентов, редакторов, типографии — все коту под хвост только потому, что где-то ступенькой выше кто-то кисло поморщился!

Я заново прокрутил в голове разговор с Ганичевым. С удивлением отметил, что он ни словом не упомянул о мнимом плагиате у Жореса Медведева (значит, это обвинение отпало!), зато сослался на какое-то секретное решение ЦК партии годичной давности. И мне вдруг стало ясно, что это блеф! Его просто запугали в ЦК мнимым постановлением те, кто, может быть, и хотел бы, чтобы оно было принято, да провести его бессильны!

В самом деле, как могло быть, чтобы существовало пусть сверхсекретное постановление, прямо касающееся печати, а об этом не подозревали не только такие рядовые работники как я, но и зав редакцией Коротков и даже директор крупнейшего издательства Ганичев? И как мог не знать об этом Главлит? И как могли не знать министр Столетов и сотрудник аппарата ЦК Андреев?

Да и наконец, в самое последнее время в печати появлялись статьи с критикой Лысенко. Академик Н.Н. Семенов даже в «Коммунисте» писал, что Лысенко и Презент «стремились к диктату в науке». Не мог же «Коммунист» печатать статью вразрез с постановлением ЦК! Очевидно, что никакого постановления не было, а был донос на мою книгу, и ему дали ход! Но от кого он мог исходить? От Лысенко и его людей? Но ведь книга еще не поступила в продажу, ее еще никто не видел!

Позднее, от одного бывшего ученика Лысенко, который давно порвал со своим учителем, но сохранил связи в близких к нему кругах, мне стала известна технология этого дела. Библиотекой Министерства сельского хозяйства заведовала жена доцента МГУ Н.И. Фейгинсона, одного из самых агрессивных противников «формальной» генетики и преданного соратника Лысенко — почти единственного, кто сохранил ему верность после его падения. Мне однажды, еще в хрущевские времена, пришлось присутствовать на публичной лекции Н.И. Фейгинсона в Политехническом музее, из которой я навсегда запомнил замечательную фразу: «Мичуринское учение создал Трофим Денисович Лысенко». Однако я не знал, что ведомственная библио-

тека Министерства сельского хозяйства была включена в список тех, кто получал сигнальные экземпляры новых книг.

По заведенному порядку сигнальные экземпляры разносили по особому списку: в ЦК КПСС, КГБ, Книжную палату, Библиотеку им. Ленина и т.п. И вот мадам Фейгинсон, получив экземпляр, тотчас отнесла его мужу, тот — Лысенко. Так был сварганен донос, в котором, вероятно, говорилось и о Жоресе Медведеве. Книгу, как говорили в таких случаях, «поймали на разноске».

Я об этом узнал лишь через несколько месяцев, а в тот момент ощущение было такое, что против меня действует какая-то иррациональная сила.

Прежде всего, я решил позвонить Л.Н. Андрееву: он давал добро на книгу и должен если не помочь, то объяснить, что происходит. Однако Андреев был предельно сух и немногословен:

— В вашей книге нашли идеологические ошибки.

— Но вы же ее одобрили!

— Вы не учли моих замечаний.

— У меня имеется корректура с вашими пометками, все замечания учтены.

— Ну, я не знаю, я книги еще не видел. Этим занимается отдел пропаганды, у нас не принято вмешиваться в дела другого отдела.

Все это говорилось вяло, нехотя, сквозь зубы. Андреев давал понять, что если я вздумая на него сослаться, он от всего отопрется.

Пришлось действовать по китайскому принципу «опоры на собственные силы». Я поехал в Институт истории естествознания и техники, к моему давнему знакомому С.Р. Микулинскому, хотя и знал, что он не из тех, кто рвется на баррикады. Миколинский молча меня выслушал, после чего вызвал к подъезду институтскую «Волгу» и отвез меня домой к директору Института академику Б.М. Кедрову, который в это время «болел».

Кедров жил в большом академическом доме на улице Губкина. Дом боковой стороной выходил на улицу Вавилова С.И., а фасадом смотрел на Институт общей генетики имени Вавилова Н.И.

Бонифатия Михайловича Кедрова я тогда увидел впервые. Он сам открыл дверь и провел нас в кабинет. Он был в распахнутой домашней куртке и шлепанцах, с двух или трехдневной, поблескивавшей серебром щетиной. Он был много старше, но значительно живее Микулинского, несмотря на избыточную полноту. Долго объяснять ситуацию ему не пришлось. Он просил оставить книгу на одну ночь и утром вручил мне подробный защитительный отзыв на четырех страницах на своем бланке. Правда, отзыв был адресован не в ЦК партии, где у него были прочные связи, а директору издательства «Молодая гвардия» В.Н. Ганичеву, которому мне и пришлось его вручить. Сыграл ли этот отзыв какую-то роль в решении судьбы книги, мне осталось неизвестно, но та готовность, с какой академик пришел на помощь, многого стоила.

Со своей стороны, я тоже написал Ганичеву письмо на 26 страницах, в котором подробно разобрал все 16 «замечаний» цековского цензора, а кроме того, показал абсурдность утверждения о каком-то постановлении, запрещавшем критиковать Лысенко.

Не получив никакого ответа, я написал еще одну записку, в которой сопоставил мою книгу с только что вышедшей книгой Ивана Фролова «Генетика и диалектика». В ней Лысенко и его сторонники подвергались такой же острой критике, как и у меня.

Но Ганичев мне объяснил, что все это ровным счетом ничего не значит: книга Фролова научная, для специалистов, ее тираж 14 тысяч экземпляров. А моя книга дает живые образы, стотысячный тираж прочтут миллионы.

Однако вскоре выяснилось, что книга остановлена не полностью. Отправленные в Книготорг 10 тысяч экземпляров решено было не изымать. То ли в ЦК не разобрались, что изъять их проще простого, так как они еще не расплзлись по книготорговой сети и лежали в одном месте на складе, то ли работники Книготорга решили спасти книгу и «запудрили» мозги высшим инстанциям, только поступило указание отправить ее подальше от Москвы и распродать в сети Райпотребсоюза, чтобы она разошлась по деревням и не попала в крупные города. Говорили, что это Соломоново решение исходило от самого М.А. Сулова, главного идеолога партии. Я ходил в Книготорг, выяснял, куда именно направлена книга, и заказал пачку экземпляров из Кызылского райпотребсоюза, так как положенные мне по договору авторские экземпляры перепуганный Ганичев распорядился не выдавать.

Ситуация осложнялась тем, что «покатили бочку» на заведующего редакцией Ю.Н. Короткова. После крупного разговора с Ганичевым и главным редактором издательства В. Осиповым ему предложили уйти «по собственному желанию».

К тому времени он возглавлял ЖЗЛ больше пятнадцати лет. Серия, как известно, была основана А.М. Горьким в 1933 г., но в годы позднего сталинизма она захирела; Коротков, можно сказать, возродил ее из пепла; в том, что серия стала пользоваться огромной популярностью и престижем, львиная доля заслуг принадлежала Короткову; с серией были связаны все его личные чаяния и амбиции. Он кинулся в ЦК партии, где, как он считал, имел покровителей, обошел одиннадцать кабинетов, но поддержки никто не обещал. Короткову шили «идеологически вредную линию», что, в частности, выражалось в издании биографии Чаадаева, написанной А. Лебедевым, Бертольда Брехта — Л. Копелевым и моего «Вавилова». Но книги о Чаадаеве и Брехте вышли два и один год назад, так что последней каплей, переполнившей чашу, стала моя книга. Коротков срочно «заболел», в надежде переждать грозу. Мне он сказал:

— Я понимаю, что тебе надо бороться за свою книгу. Но учти, что чем громче будет шум, тем мне будет труднее.

Я старался шума не поднимать, ограничиваясь тихой дипломатией. Было попользование написать письмо Л.И. Брежневу, но мой тогдашний друг и коллега по редакции ЖЗЛ Андрей Ефимов сказал:

— Ты же хотел вставить им перо, чего же теперь у них же просить защиты?

Довод показался разумным, и я решил, что к ним обращаться не буду.

Мне удалось попасть на прием к президенту АН СССР М.В. Келдышу, он внимательно выслушал меня и, ничего конкретно не обещая, взял, как говорится, вопрос на заметку. Но когда мне неожиданно позвонил Владимир Дмитриевич Дудинцев (для меня это было приятным сюрпризом, тем более, что знакомы мы не были) и предложил устроить публичное обсуждение книги в Центральном доме литераторов, я вынужден был просить его этого не делать. В журнале «Знание — сила» была подготовлена обстоятельная рецензия на книгу, она стояла в номере. Не желая подводить журнал и моего шефа, я позвонил главному редактору Н.С. Филипповой и объяснил ситуацию. Она ответила:

— Спасибо, что вы меня предупредили, я сейчас пойду и сниму рецензию.

Ганичев поручил заниматься моей книгой своему заместителю Г. Криворученко, с которым у меня установились вполне корректные отношения. Я предлагал в ка-

честве жертвы себя вместо Короткова, но Криворученко дружески посоветовал этого вопроса не поднимать, пояснив, что если я захочу уйти, меня держать не будут, но Короткова это не выручит. Таковы парадоксы бюрократической системы: мою книгу признали вредной, но административно страдать должен был не я, автор, а зав. редакцией.

Прошло несколько месяцев, ажиотаж спал, и о том, что книгу надо полностью уничтожить, уже не говорили. Письменного распоряжения на этот счет так и не поступило, а без этого издательство не могло списать колоссальные затраты. Дело явно спускали на тормозах, чему, я думаю, способствовали три обстоятельства. Во-первых, при всем моем старании не поднимать шум история гонений на биографию Н.И. Вавилова стала известна на Западе, о ней говорили радиоголоса, попала она в самиздатскую «Хронику текущих событий»⁶. Во-вторых, наметившаяся стабилизация положения в Чехословакии и ослабление протестов против вторжения в нее советских войск со стороны быстро привыкающего к подобным акциям Запада показали кремлевским руководителям, что настало время выступить с «мирными» инициативами. Дразнить общественное мнение такой мелочью, как гонения на мою книгу, стало неэтично. И третье, может быть, самое главное, состояло в том, что летом 1969 г. в каком-то цековском санатории в одно и то же время отдыхали академик Николай Николаевич Семенов и глава отдела пропаганды ЦК партии Александр Николаевич Яковлев, и они совершали совместные прогулки. Семенов к тому времени был полностью в курсе того, что случилось с моей книгой, — об этом позаботился Юрий Николаевич Вавилов. Семенов ввел в курс дела А.Н. Яковлева и объяснил ему, насколько негативно в научных кругах воспринимаются гонения на книгу о Вавилове. Об этом я узнал только в 1997 г., когда будучи в Москве, обратился к А.Н. Яковлеву с просьбой о встрече и был им принят в его кабинете в фонде «Демократия». В ходе нашей довольно продолжительной беседы он вспомнил о том, как прогуливался с Н.Н. Семеновым и, вернувшись из отпуска, приструнил Севрука, о коем отождествлялся как о полном ничтожестве. Я спросил:

— Почему же вы держали при себе такого человека?

На это он ответил:

— А вы знаете, как он умел льстить!

Что-то пронюхав наверху, Ганичев решил книгу выпускать, но при этом внести в нее хоть какие-то изменения, чтобы отрапортовать, что «идеологические ошибки» исправлены. При этом под «ошибками» разумелись шестнадцать мест, отчеркнутых цековским карандашом.

Как я уже отмечал, устранение всех шестнадцати мест мало что изменило бы в книге по существу. Однако я выяснил в типографии, что если исправить все эти места, то потребуются заново набирать и печатать шесть печатных листов (целую небольшую книжку!); если же ограничиться частью пометок, сосредоточенных на последних тридцати страницах, надо будет перепечатывать только два листа. Исходя из этого, я предложил Ганичеву подойти к «идеологическим ошибкам» арифметически, и он кивком головы согласился.

Два печатных листа заново прошли весь издательский цикл: набор, верстку, сверку, подписание в печать, визирование Главлитом. 90 тысяч экземпляров первого варианта этих двух листов были пущены под нож и заменены новыми. Книга,

⁶ Позднее она вошла в диссертацию о жизни и деятельности Вавилова, успешно защищенную в Техасском университете американским историком генетики Барри Менделем Коэном.

представлявшая, в сущности, второе издание, вышла под первоначальной обложкой и с первоначальными выходными данными — обычный воровской прием, запутывающий следы.

Однако тайну сохранить не удалось. Жорес Медведев тщательно сверил два варианта книги и подсчитал, что в общей сложности было заменено полторы страницы текста. Он позвонил в типографию и выяснил, что эта операция обошлась издательству в 27 тысяч (тогдашних!) рублей, поглотив всю запланированную прибыль. По радиоголосам прозвучала саркастическая заметка Медведева, заканчивавшаяся словами:

— Вот сколько стоят полторы страницы правды.

Я ходил по книжным магазинам — хотел посмотреть, как покупают книгу. Но она исчезала с такой быстротой, что мне ни разу не удалось увидеть ее в продаже.

Не только злосчастные полторы страницы, но и 100 страниц, на которые усохла книга, проходя через редактуру и цензуру, вошли потом в мою книгу «Дорога на эшафот»⁷ — первую, которую я издал после выезда из СССР.

HISTORY AND BIOGRAPHY

S.E. REZNIK

History of both writing and publishing the book “Nikolai Vavilov” written by S.E. Reznik (Moscow, “Young Guards”, 1968) is put in the article; it’s about how in spite of all censorial editing the book was considered as “ideologically harmful” and was able to come out a year later due to both international publicity and interference of some leading scientists of the world.

Keywords: N.I. Vavilov, T.D. Lysenko, followers of Michurin, S.E. Reznik, Yu. N. Korotkov, F.H. Bahteev, V.N. Stoletov, L.N. Andreev, V.N. Ganichev, genetics, V.N. Sevrjuk, A.N. Yakovlev, Zh.A. Medvedev, N.N. Semyonov, B.M. Kedrov, S.R. Mikulinskiy D.I. Tscherbakov, Gregor Mendel, Thomas Morgan.

Информация об авторе

Резник Семен Ефимович — писатель-публицист, в настоящее время живет в Вашингтоне (США), автор монографии о Н.И. Вавилове в серии ЖЗЛ (1968 г.), о нем есть статья в Википедии.

⁷ С. Резник. Дорога на эшафот. Нью-Йорк — Париж: «Третья волна», 1983.